

АВТОРСКОЕ

*...юность — единственное время,
когда мы что-либо узнаем.
Пруст¹*

*...В который все время
утыкалось сознание двух
первых — Грузии и Франции²*

*Основные впечатления
бытия, одиночно юности
принадлежащие
Гармонии, справедливость,
любовь, верность —
<духовными> силуэтами*

*Что может и чего
не может рыцарь
Пресекаемые горячим
серебром рек*

В начало просится признание. Если я вообще что-либо узнал, достойное этого названия, то только в юности и только в свете — таком слабом и колеблющемся! — опыта, который французы странным образом называют «невозможной любовью»³. Но есть время узнавать и время читать в узанном.

Песни, имена, лица, предания, легенды, рыцарские поединки, звон мечей — все это слеталось отовсюду к вырванному светом кружку (Тбилиси — в «хмельной для глаза оболочке света»⁴, закатного, неповторимого) — грузинскому Столу, за которым мы вкушаем. Легенды, коллективное знание, историческая память (единство которой и мы — грузинская общность), ежедневно разыгрываемые за Столом. И любое событие превращается в праздник, пир, радость.

Родовые и дружеские кланы. Наш салон и аристократия — Стол и пир. И наши денди. И наши знаки. Светские ритуал и фигуры. И все слеталось к Столу.

Но где истина? Что значит эта живая сила древности, ее дух воодушевления? И почему я не могу? Ни праздника, ни радости жизни, так элегантно и артистично инсценируемой, не чувствую и

¹ В комментариях к «Авторскому» мы попытались не только обозначить источники приводимых М. М. цитат, но и высветить «прустовский» контекст некоторых пассажей, указав на скрытые цитаты из работ Пруста или моменты соответствий.

I (J.F.) — p. 730 — ...l'adolescence est le seul temps où l'on ait appris quelque chose.

(1:ДЦ:867) — ...юность — единственная пора жизни, когда мы чему-нибудь научаемся.

² Публикуемый текст составлен на основе черного наброска, носящего заголовок «Авторское». Оригинал наброска представляет из себя машинописный текст с рукописной правкой и несколькими, также написанными от руки, дополнениями. Все дополнения и исправления вошли в публикуемый текст. Короткие заметки, оставленные М.М. на полях рукописи, даны на полях основного текста. Эти же принципы использовались в подготовке и оформлении наброска «Вместо введения».

³ *L'amour impossible.*

⁴ И букв кудрявых женственная цепь
Хмельна для глаза в оболочке света...

Осип Мандельштам «Еще он помнит башмаков износ...» // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1979. С. 193.

быть таким же — не могу. Почему? А как завидовал, как хотел! Как я хотел быть принят в грузинских «домах», быть таким же! Мы принадлежим друг другу — и этого никогда не будет. Я — грузин, и никогда не быть грузином.

Но и — француз, и никогда не буду своим. Я чувствую — это ведь так, но поздно, не с той ноги начал, не с той ноги пошел. Какая-то внутренняя тяготица, тоска и ностальгия. А может быть, потому, что философ — всегда шпион? «Гражданин неизвестной родины»⁵ и ее шпион, свидетель в *этой*?

Читал Монтеня — и еще одна невозможная любовь — не с той ноги; не быть мне французом. Монтень, Монтескье, Стендаль, Руссо — мои юношеские влюбленности, прозрачные и неизъяснимые кристаллы. Сладко-тоскливо... Да выразить можно лишь по-французски: «невозможная любовь».

И вот, прожив больше половины жизни, вернувшись, и — кроме «невозможной любви» к Грузии и Франции и еще одной, уже личной, мужской, — подцепив прустоболезнь, высокую, я решил все это выплеснуть в книге. Есть время узнавать, и есть время читать в узанном. Что-то в ней может задеть читателя и на что-то его надумать в лабиринте собственного опыта и застрявших в глазах привидений, а что-то — совсем пройти мимо и быть неинтересным. Но в последнем случае, поскольку каждый — читатель самого себя, ему просто нужна *другая* книга⁷. Обращение «мой читатель» — весьма лицемерно. Читать в себе! — я читал, вот все, что я могу сказать. Читать себя в чужой душе (вроде чтения вслух с комментариями); то, что узнаю, то, что *удается* прочитать, это — я (могу лишь повторить слова Паскаля⁸). Или предложить записную книжку самого

Как уложить это вместе с тем, что я вижу реально, своими глазами? Своим чувством сознания

Интеллектуальная «невозможная любовь»

Кружило в <голове> каким-то печальным и гордым хоруми⁶

Первичный облик лжи, смерти, пустоты и страшной обреченности всякой свободы и красоты

Здесь бессмысленно говорить о влияниях или заимствованиях

⁵ III (Pr.) — p. 257 — ...*le citoyen d'une patrie inconnue...*

(4:Пл:301) — ...гражданин неведомой страны...

⁶ Хоруми — грузинский народный военный танец.

⁷ III (T.R.) — p. 1033 (6:ОВ:360–361) — ...говоря о тех, кто мог бы прочесть эту книгу, было бы весьма неточно называть их читателями. Ибо, как мне представляется, они были бы не моими, но своими собственными читателями, поскольку книга моя являлась бы чем-то вроде увеличительных стекол, подобных тем, какие оптик в Комбре предлагал своему клиенту; своей книгой я дал бы им возможность прочесть самих себя. И мне было бы совсем не нужно, чтобы они хвалили меня или поносили, мне нужно было бы, чтобы они мне сказали, действительно ли это так, действительно ли слова, что читают они в самих себе, являются теми словами, что написал я (и некоторые вполне вероятные расхождения проистекали бы не оттого, что я ошибся, а оттого лишь, что глаза читателя оказывались порой глазами не того человека, кому подходила моя книга, чтобы читать в себе самом).

⁸ «*Ce n'est pas dans Montaigne mais dans moi que je trouve tout ce que j'y vois*». — Pascal B. *Œuvres complètes*. Paris: Gallimard, 1954. P. 1104.

себя, в которой я снова с любопытством читаю (продолжаю свой опыт с помощью инструмента, — книгой — как инструментом) — с помощью Пруста.

А что касается самого Пруста, человека, — как я его вижу, — то я могу воздать ему должное лишь стихом Спендера⁹. О таких, как он, лучше не скажешь.

*Случай писателя без
воображения, так же
предвидимый Прустом*

*В лицо торжествующему
врагу*

*Пустота, ложь
и лицемерие*

*Живо ли это,
и если да, то чем*

Religio¹¹ нашего Стола

Застывшие в вечном жесте

...Эпические жесты Стола. Мир, в который мы переносимся и в котором — на мгновение Стола — живем, преображенные ритуалом, мистерией и эпосом Стола (символическое). Эляция, воспарение и радость преображения перед лицом жестов и звуков, которые священнодействуют. Никакой трагедии, хотя все предметы — трагичны. Эпос вещей-жестов, звуков, «чистых объектов»¹⁰, которые не имеют с историей ничего общего. Делятся ли они действительно, и если да, то как и в чем? (Как во сне — эпическом сновидении, называемом Грузией.) Стол — религиозное явление, или в нем то, из чего (*religio*) и вырастают религиозные и почти мистические чувства. Вкушаем «кровь и плоть» нашей памяти¹², Грузии.

Бредовое и космато-перепутанное сознание, как всполохом прорываемое взлетающими птицами песни: но где мы? кто мы? Я никогда не смогу быть грузином — как у Пруста: никогда не смогу быть писателем, писать (в голове пусто, и ленив)¹³.

«Не в Монтене, но в самом себе нахожу я все, что там вижу». — Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 270.

⁹ *I think continually of those who were truly great.*

...

Who wore at their hearts the fire's centre.

Born of the sun they traveled a short while towards the sun,

And left the vivid air signed with their honor.

Stephen Spender «*The Truly Great*» // *Collected Poems 1928–1953*. London: Faber & Faber, 1955.

¹⁰ «*La forme pure*». См.: J.S. — p. 627–629; I (J.F.) — p. 579 (1:ДЦ:699–700).

¹¹ Здесь — святость, благочестие (*лат.*).

¹² J.S. — p. 401–402 — ...*comme si notre vraie nature était hors du temps, faite pour goûter l'éternel et, mécontente du présent, attristée du passé...*

III (T.R.) — p. 871 (6:OB:189) — ...то существо, что наслаждалось тогда во мне этим впечатлением, наслаждалось им в том пространстве, что являлось общим для прошедшего дня и дня настоящего, то есть во вневременном, и само это существо появлялось лишь тогда, когда благодаря этой идентичности прошлого и настоящего оно оказывалось в единственном месте, где только и могло находиться, наслаждаться сущностью вещей [*jouir de l'essence des choses*], то есть вне времени.

¹³ I (Sw.) — p. 178 (1:Св:238–239) — Как часто после этого дня, во время прогулок в сторону Германта, сокрушался я еще больше, чем раньше, размышляя об отсутствии у меня литературного дарования, о необходимости отказаться от всякой надежды стать когда-

Я понял смысл грузинской трагедии. Если тяжел, серьезен — еще не свободен. Торжествующий полет птицы — вопреки всему. Разве коза и дерево боролись и *потому* выжили?¹⁴ Настолько несообразный водоворот, что смешно. А грузину невыносимо быть смешным. Чудо — за пределами отчаяния, в другой, новой жизни. *Tragische Heiterkeit*¹⁵. Иначе — комедия невозможной трагедии. Мир прекрасен, и не моя серьезность его спасет. Настырность как раз невнимательна. А философия должна реконструировать то, что есть, и оправдать это¹⁶. Выше любых притязаний и рекриминации. Твое дело — ты. Твоя внимательность и мужество невозможного.

Возможно в жизни? — значит — не то

Самоубийство — проблема

Гомонящий кусок человечества на «балу черепов» — как в Реймском кафедрале¹⁷. Можно различить и фигуру нашего героя (по описанию <даже>).

нибудь знаменитым писателем. Горечь, которую я испытывал по этому поводу, оставаясь наедине немного помечтать, причиняла мне такие острые страдания, что для заглушения их ум мой, по собственному почину, как бы благодаря запрету сосредоточивать внимание на боли, совершенно переставал думать о стихах, о романах, о писательской будущности, на которую отсутствие таланта не позволяло мне рассчитывать.

I (J.F.) — р. 580 (1:ДЦ:701) — ...моя лень и моя мучительная борьба с внутренними препятствиями...

¹⁴ По всей видимости, подразумевается сюжет из старой грузинской прибаутки о том, как однажды лозу съела коза, и как потом козу съел волк, волка — ружье, ружье — ржавчина, а ржавчину — земля и т. д., в котором последовательность непрерывных замещений, не находя своего завершения, перерастает в круговорот бесконечных повторений.

¹⁵ Трагическая веселость (нем.).

¹⁶ S.B. — р. 309 — *Toute ma philosophie revient, comme toute philosophie vraie, à justifier, à reconstruire ce qui est.*

¹⁷ Фасад Реймского кафедрального собора украшают более двух тысяч фигур, композиционно объединенных в три основные темы. Собор посвящен Деве Марии, и ее образ определяет главную тему скульптурного оформления. Две другие основные темы: Страсти Христовы и Страшный суд воплощены в скульптурных композициях северного и южного порталов. В нижнем ярусе собора размещены фигуры ветхозаветных царей, пророков, апостолов, улыбающихся и строгих ангелов. Скульптурные портреты королей, святых и епископов образуют так называемую «Галерею королей», занимающую второй ярус собора.

Прочерчивая линию, которую можно было бы назвать линией *danse macabre*, или линией пляски смерти, от «Баллады повешенных» Вийона к балу у принцессы Германтской, который Пруст описывает в последней книге романа («Бал черепов» у Пруста → скрежет и стук мертвецких костей на виселице у Вийона. Первый звук ожидающего поодаль ада!» — чита-

Короткий пролет к Солнцу, о котором говорит Спендер. В последних словах должны содержаться «последний суд» и «ад». Если воскресаем, то уже в этой жизни. Новая жизнь, новый мир — здесь. Все — по эту сторону. Ничто не избавит нас от боли и страдания — и непоправимого. И ничто не убьет радость, не растворит ее сладко-тоскливую и гордую кристально-звонкую ноту. Радость не равна «радости искусства», [радости] прекрасных вещей. Неизъяснимая тайна времени, бытия и призвания мужества, великодушия, страдания и радости, «веселой жути». *Versus* все те, кто хочет механизмов счастья и хорошего. Жизнь полна парадоксов и апорий. Силы жизни уничтожают жизнь. Человек трагикомичен¹⁸. И случай, встреча — по *благодати*. Не дай Бог, по рангу. И поэтому — «последний суд», раз все — по эту сторону, и все — в истине. *Что мог*. И... о братья, братья!¹⁹

ем в подготовительных материалах на стр. 951 настоящего издания), и далее к Реймскому собору, Мамардашвили связывает вместе два прустовских образа: собора как книги и книги как Последнего (Страшного) суда.

III (*T.R.*) — р. 880 (6:ОВ:198) — ...художник в любой момент должен быть готов услышать свою интуицию, а потому искусство — это и есть то, что реальнее всего на свете, самая суровая школа жизни, самый истинный Высший суд [*le vrai Jugement dernier*]. Эта книга, самая трудная для расшифровки, является в то же время единственной книгой, которую продиктовала нам реальность, единственной, где «ощущение» внушено самой реальностью.

Ibid. — р. 1033 (6:ОВ:361) — ...я создавал бы свою книгу, не осмелюсь выразиться выскопарно, как собор...

S.B. — р. 89 — ...*une cathédrale — un livre à comprendre*.

¹⁸ В подготовительных материалах к лекциям, где этот и предыдущий абзацы «Авторского» даны, по всей видимости, в более позднем варианте, фраза: «Жизнь полна парадоксов и апорий. Силы жизни уничтожают жизнь. Человек трагикомичен» завершается словами: «...а мир — "играющее дитя", и можно лишь улыбаться неопределенно-легкой улыбкой» (см. стр. 939 настоящего издания).

¹⁹ Аллюзия на первые слова «Баллады повешенных» Франсуа Вийона: «*Frères humains, qui après nous vivez...*» В переводе П. Лыжина: «О братья смертные, грядущие за нами...» См.: Вийон Ф. Полное собрание поэтических сочинений. М.: РИПОЛ классик, 1998. С. 412.